

уже заметно приближает къ терминологической школе, которая представляется и другими инициалами той-же рукописи (Стасовъ, VI, 2, 12).

Болонская псалтырь очевидно занимаетъ мѣсто между Новгородской псалтырью XII вѣка и Шестопольской 1263 г., по своей датѣ должна быть ближе къ Шестопольской 1263 года, нежели къ предполагаемой болгарской рукописи XII вѣка.

Въ Македонии наступаютъ наконецъ и известнаго рода слѣдствія технической терминологии съ народной: послѣдняя замѣстствуетъ у первой нѣкоторые мотивы, низводя ихъ, впрочемъ, на свой художественный уровень; главный мотивъ этого рода — птица; техническое плетенье передается очень плохо и бѣдно. Македонскія рукописи, заключающія эту черту, но признавая гречески, правописанія и языкъ, относятся къ третьему изъ установленныхъ нами ниже палеографическихъ разрядовъ (второй половины XIII вѣка); слѣдуетъ однако помнить, что эта художественная черта не обязательна: ея отсутствие не говоритъ о болѣе древности наметника.

В.

Анализъ почерковъ.

Установленіе даты Болонской псалтыри имѣетъ первостепенную важность для всей средне-болгарской письменности.

До конца XIII вѣка мы совершенно не имѣемъ болгарскихъ датированныхъ текстовъ — ни въ древне-болгарскомъ, ни старо-славянскомъ изводѣ, ни въ изводѣ средне-болгарскомъ. Была бы важна дата русская письменности цѣсть своимъ путемъ и во всякомъ случаѣ не даетъ примѣлъ показаний для хронологіи болгарскихъ рукописей: явленія юго-славянской графини отражаются въ Россіи во-первыхъ поздне, во-вторыхъ въ неравныхъ промежутокъ времени, не соответствующіе этапамъ самой юго-славянской графини. Нѣкоторую помощь оказываютъ намъ только сербскіе датированные тексты, вообще зависящіе отъ болгарской графини и не на много отстающіе отъ нея въ хронологіи почерковъ. Точная дата Болонской псалтыри не дана въ самой рукописи. То, что приведено выше въ пользу эпохи Асѣна II, основано на исторической вѣроятности. Очень возможно

однако, что и вѣрѣе найдутся издѣлователи, предпочитавшіе относить наметники къ эпохѣ Асѣна I. Конецъны даты царствованія двухъ Асѣновъ раздѣлены полулѣтомъ, т. е. тактъ промежутокъ, который въ русской графинѣ почти всегда можетъ быть отмеченъ весьма палеографическимъ признакомъ. Болгарскія рукописи за отсутствіемъ датъ не могли быть опредѣлены по полулѣтамъ. Палеографы, съ Срезневскимъ во главѣ, въ отличіе отъ историковъ, относили Болонскую псалтырь къ Старому Асѣну. Для нихъ цѣло столѣтіе (XIII-е) оказывалось въ виду этого неопредѣленнымъ. Паметники опредѣляются, если можно такъ выразиться, съ точностью ста-дѣтъ; очень распространены были опредѣленія «XII—XIII в.» «XIII в.» «XIII—XIV вѣка», при чемъ при двойной черѣ разужьясь отъ одного рубца двухъ вѣковъ, а въ второй половинѣ одного и въ первый другого. И эта приблизительная оцѣнка не снискала впрочемъ отъ противорѣчій: оставались факты необъяснимые¹⁾. Вокругъ Болонской псалтыри группировались издѣлователями другіе, не датированные паметники, ближе къ ней гречески — главнымъ образомъ Анастолы Охридскій и Сѣбренскій; Болонская псалтырь считалась даже древнѣе Болонской, т. е. древнѣе новша XII вѣка, къ которому послѣднюю относили. Установить выше пущо дату наметника, мы обязаны показать, насколько она гармонируетъ съ познанными всей болгарской графини. Повѣрно, что хронологическая оцѣнка не можетъ ограничиться однимъ Болонскимъ псалтыремъ, ибо, какъ указано, этотъ паметникъ служить до сихъ поръ главнымъ мѣрикомъ для хронологическаго распредѣленія другіхъ болгарскихъ рукописей. Выдѣлать ли болгарская палеографія въ явности отъ перенесенія Болонской псалтыри къ концу XII вѣка во вторую четверть XIII-го?

Не имѣя твердыхъ датъ, мы имѣемъ въ болгарскихъ рукописяхъ признаки послѣдовательнаго движенія — измѣненія языка и графини, которые идутъ бѣзостановочно въ одномъ и томъ же направлеши въ убавляющіяся въ извѣстную хронологическую стадію. Этой стадіи уже давно пользуются издѣлователи²⁾ при датировкѣ болгарскихъ рукописей. Построенная на очень

¹⁾ В. Срезневскій (фактъ), въ издѣлованіи «Древній славянскій переводъ. Псалтырь», стр. 46, казавъ третью почерка Болонской псалтыри (Вѣдославъ) и показавшему поразительный его несоотвѣстности съ остальными почерками той-же рукописи, замѣчаетъ: «Отъ особенностей изобиліи, какъ указывающія на несоотвѣстность и недостаточность опредѣленій времени по одному почерку».

²⁾ Вспомогательнѣ И. П. Срезневскій: Древній Слав. Псал. кромѣ писавъ, обшнъ записанъ, стр. 149 и слѣд.; примѣръ, имъ установленный, вошелъ въ Россію во иновѣе пользование.

зомъ въ двухъ вариантахъ, которые и дѣлѣ, до середины XIV вѣка, существуютъ боѣ о боѣ. Изъ послѣдняго обстоятельства Обдѣль и Мѣтъ справедливо заключаютъ, что различіе имѣеть не хронологическій, а территориальный смыслъ. По отношенію къ языку между У н. и Д обр. замѣчается нѣкоторое хронологическое различіе. У н. правильно употребляютъ носовые знаки; если памятники, дошедшіе до насъ въ отрывкѣ, и имѣть въ этомъ отношеніи какія-нибудь несправедливости, то очевидно очень незначительныя, иначе онѣ сказались бы и на дошедшихъ 4-хъ страницахъ. Д обр. идетъ въ этомъ отношеніи дальше: различныя знаки звуковъ ѣ и є уже путаются между собою, хотя и не такъ часто. Но съ другой стороны У н. отвергаетъ йотацию, употребляетъ только два знака: а и ж, Д обр. знаетъ ихъ пять: ж и ѣ, рѣдкое на при а, одинъ разъ въ поправкѣ а (въ е). Эта трагическая черта — не рѣшительная, она можетъ объясниться близкимъ подражаніемъ подлиннику или зависимостью отъ него. Остатки старой йотации или рѣдкихъ знаковъ въ родѣ а — вотъ одна изъ тѣхъ апріоричныхъ примѣтъ древности, которыми страдаетъ старая сѣдла. Для хронологіи гораздо важнѣе фактъ языка: смѣненіе ѣ съ є. По отсутствію этого признака У н. оказывается нѣсколько старше, чѣмъ Д обр. Но въ то же время наперекоръ довольно многихъ типовъ (напримѣръ У н. въ а, и, ц, ѣ, Д обр. въ а и р, ѣ), оба памятника непосредственно примыкаютъ къ старославянскому¹⁾. Каждый типъ въ отдаленности былъ бы неопредѣленъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ (ѣ) довольно долго не исчезаютъ изъ рукописей, но по совокупности своихъ общихъ примѣтъ оба памятника съ такими же правами могутъ быть отнесены къ XII вѣку, какъ старо-славянскіе къ XI-му. Дѣла также и къ каминамъ хронологія: У н. д. относится къ началу или первой половинѣ вѣка, Добромъ къ его срединѣ или второй половинѣ. Но пытаясь приписать эти выходы къ остаточной массѣ средне-болгарскихъ памятниковъ, мы скоро убѣждаемся, что У н. и Д обр. стоятъ между ними одиноко: нѣтъ ни одного памятника, который могъ бы быть отнесенъ къ тому же классу по совокупности примѣтъ, и въ то же время во всѣхъ наблюдается новое движеніе графика: какъ XII вѣкъ въ вопросѣ о подголоскахъ считался уже съ требованіями языка и пользовался уже произведенною системой одной подголосной, такъ остальные средне-болгарскіе памятники считаются съ новой назрѣвшей особенностью языка: они норми-

1) См. Ягича Евангелиумъ Добровиші и статью о Логотакъ Уладиславскі въ Сборникѣ въ честь Ф. Ф. Фортунатова.

руютъ определенными правилами смѣненіе (сначала лишь акустическое) прежнихъ звуковъ ѣ и є эту нормировку можно считать уже установленной съ XIII вѣка: Богославскій псалтѣрь 1230—1241 года оказывается ея наиболѣе совершеннымъ образцомъ. Добромъро Евангеліе знаетъ только смѣненіе, а не нормировку: въ этомъ смѣненіи замѣчаются извѣстныя единообразія, но по болѣе часте не тѣ, которые легли въ основу нормировки. Подобно нормировкѣ подголосныхъ въ XII вѣкѣ, нормировка юсовъ въ XIII была лишена единообразія. Мы не говоримъ закъ объ отсутствіи или (болѣе рѣдко) присутствіи йотации юсовъ: то-же колебаніе мы видимъ и въ XIII вѣкѣ; черта эта очевидно не составляетъ новой даты; важны тѣ колебанія графика, которые вытекли изъ фонетическихъ различій болгарскихъ говоровъ; новую дату составляетъ напечность нормировки юсовъ, слѣдующую дату, какъ увидимъ, составляетъ ея паденіе. Нормировка, не говоря о вариантахъ, обусловленныхъ диалектическими различіями, является въ двухъ главныхъ видахъ: образованъ и упрощенъ. Памятникомъ образцовой нормировки оказывается Богославскій псалтѣрь. Въ четыре пѣсна ея употребляютъ два носовыхъ знака ж и а (а въ. а у Бѣгослава) по строго опредѣленнымъ правиламъ акустическаго проихожденія; второй пѣснецъ почти исключительно, а четвертый изрѣдка утверждаетъ, что нѣтъ болгарскаго памятника, который, имѣя нормировку юсовъ, не имѣлъ бы смѣненія ж съ ѣ. Но есть памятники, въ которыхъ это явленіе сведено на минимумъ, ограничиваясь отчасти случайнымъ, отчасти спорнымъ примѣрами (еще всего нѣ въѣсто и при нѣ ѡѡѡѡ, о чѣмъ ниже). Въ такихъ памятникахъ и примѣры паденія фонетическихъ формъ языка отсутствуютъ или оказываются спорными. Въѣ эти памятники можно отнести къ первой половинѣ XIII вѣка, именно — къ лучшей школѣ письменности того времени. На ряду съ ними стоятъ другіе, столь же архаичные по графическому и языку, но болѣе примитивные по правописанію: они употребляютъ всего одинъ носовой знакъ, т. е. имѣютъ упрощенную нормировку. Она очевидно такъ же стара, какъ нормировка съ двумя носовыми знаками, ибо обѣ системы встрѣчаются вмѣстѣ: въ разныхъ, но одновременно писавшихъ одного и того же памятника. Древнѣйшій случай этого рода — Охридскій Апостолъ, по языку и хронологическимъ примѣтамъ почерка стоящій всего ближе къ Богославскому псалтѣрю. Упрощенная нормировка съ однимъ ж (однѣхъ изъ пѣснѣвъ Охридскаго Апостола) не содержитъ такихъ образцовъ особой

даты, напримеръ, божье познать, она только указываетъ на народную среду, какъ и вся графика этого и большинства другихъ мексиканскихъ памятниковъ. Но намеркнутъ буквы Охридскій Апостолъ не древнѣ Болонской псалтыри; въ этомъ приходится убѣдиться, изучая божье познать типы буквъ, срывавшіеся за гласными, архивными: при симметричномъ ψ въ Охридскомъ Апостолѣ вступается угловатое, сильно несимметричное, при τ и θ съ симметричными коронками — τ же тины съ нарушеніемъ симметріи, θ кромѣ того — съ загибами коронки, однако опущенными до пологихъ нахлѣвъ; къ господствующимъ типамъ — а въ Охридскомъ Апостолѣ таково, какъ у Бѣлослава въ Болонской псалтыри: почти прямая, почти маленькая и плоская прихвостъ къ еи срединѣ почти подъ прихвостъ, угловатъ; и — во всѣхъ вариантахъ известныхъ Болонской псалтыри; никакія петли буквъ — съ типичной южной и т. п.

Перечислимъ здѣсь всѣ главные признаки второго разряда, т. е. памятниковъ первой половины XIII вѣка: въ орфографіи — нормировка косяковъ образованъ или упрощенна, притомъ упрощенная первой разновидности (α въ α и μ), въ отлѣ отъ второй разновидности, вѣнчикъ въ сѣдущемъ разрядѣ. Въ фонетикѣ — рѣдкое смѣненіе α съ μ , и μ (ν) съ η ; отсутствие или сворачиваніе появленіе смѣненія θ съ α и ϵ . Въ морфологическомъ перемѣнѣ (напр. совпаденіе мѣстнаго съ творительнымъ въ прилагательныхъ и мѣстоименныхъ μ и ср. р. ед. ч.), во отсутствіе признаковъ общаго паденія флективного строя. Въ начертаніяхъ буквъ — утрата вѣнчиковъ, древнѣйшихъ типовъ, связывающихъ XII вѣкъ съ XI-мъ: типа α съ наклонной махтой и короткой трехугольной петлей, не доходящей до низа строки; типа ρ , составленнаго изъ прямой и правяльнаго подшпурка, типовъ μ и ν , стоящихъ хвостомъ на строку. Въ остальныхъ типахъ — известнаго рода тенденція къ сохраненію старому и божье или менѣе нерычательное проявленіе новаго: α и θ , μ и ν , ψ и θ менѣе симметричны; ψ и θ . Вообще обилие вариантовъ въ начертаніяхъ. Спорадическія примѣты древности, не поддѣланныя другими, уже исчезнувшими, не должны вводить насъ въ заблужденіе въ этомъ разрядѣ. Такъ особенно θ , не выходящее изъ рамы строки, встречается почти послѣдовательно въ нѣкоторыхъ рукописяхъ этого

разряда (Слѣдственно Апостолъ, Пареміи Григорія, Породинской Псалтыри). Въ каллиграфіи — весьма рѣдкое появленіе вѣн. Въ орнаментѣ — народная геральдика (вообще говоря не содержащая даты) или терминологія техническая, уже завершившая свое развитіе, или отживающая. Мы предлагаемъ относить всѣ подобныя рукописи къ первой половинѣ XIII вѣка. Болонская псалтырь находится среди нихъ какъ по признакамъ языка и палеографіи, такъ и по наиболее вѣроятному смыслу своей дѣтисы (даты). Общая сѣлка очевидно вытравливаетъ въ точности отъ неровна Болонской псалтыри въ этотъ разрядъ: памятники рѣдко выражаютъ акустическое сходство, которое θ и ϵ приобрѣли при вѣнчаніи условныхъ, и въ то же время строго нормировать орфографическими правилами самое употребленіе знаковъ μ и α . Въ типахъ α , μ , ρ , θ , μ и еще божье въ характерѣ петель главные почеры Болонской псалтыри ясно отклоняются отъ старинны, — мы и здѣсь судимъ по совокупности признаковъ, ибо отлѣльныя новшества появляются очень рано. Третій писецъ (Бѣлославъ) нѣкоторыми типами еще слыше выдѣлять эпоху и почти вводитъ въ сѣдущій разрядъ. Памятники указываютъ на возрожденіе графическую школу: о томъ говорить все внѣшность его и видимое желаніе создать въ почерковъ своего времени литературскій уступъ, въ подражаніе уступу древнему.

Подражаніе старинѣ приводитъ къ тому, что подготавливанъ (μ или ν — судя по памятнику) пишется тамъ, гдѣ она давно исчезла, а иногда и тамъ, гдѣ выходя не существовала. Эта особенность сказывалъ впрочемъ уже въ первомъ разрядѣ (см. Добролюбова Еванделие). Изъ подражанія образной старинѣ и ι ерентіеисши ставится чаще, чѣмъ въ памятникахъ XI и XII вѣка, при чемъ однако даже во второмъ разрядѣ оно иногда оказывается поставленнымъ не на мѣстѣ (ср. Разсужд. о ял. Слав. книгъ, стр. 261).

Удал. и Добролюбова не содержатъ признаковъ паденія флективного строя. Въ Болонской псалтыри есть нѣкоторые морфологическія черты, знаменующія переходную эпоху. Во-первыхъ, въ прилагательныхъ сложившихъ въ именит.-винит. среднего рода окончаніе $-om$ даго несклоняемую форму Равне; это явленіе отнюдь не имѣетъ симптоматическаго значенія, — форма носитъ диалектескій характеръ, а подобныя факты неслучайности возмощи и при господствѣ флектескаго строя; онъ сказывается уже въ XI вѣкѣ въ появленіи дѣпричастія (Супр.), а равно въ современной сравнительной стилистическаго языка. Далѣе, мы находимъ въ Болонской псалтыри ясныя доказательства совпаденія мѣстнаго падежа съ творитель-

иметь въ прилагательныхъ и местоименныхъ: *рисомъ* *имъ* *лю*, *псалтъ* *имъ* *лю*. Это явленіе, однако, говорить не противъ флективного строя, а за него: если одна надежная форма могла вытѣснить другую, присвоить себѣ ея функции, то, очевидно, надежныя формы вообще еще были распространены. Польскій языкъ имѣетъ такое созвучіе съ древнѣйшихъ памятниковъ, то-же явленіе ширится въ современнѣхъ говорахъ русскаго языка. Наконецъ, Болонскія псалтры указываютъ на сжигеніе род. ед. съ вин. ед. въ словахъ женскаго рода на *а*; это явленіе — результатъ совмѣстнаго дѣйствія фонетическихъ причинъ и грамматической аналогии: послѣднее, какъ мы видѣли, принципиально предполагаетъ флективный строй въ сжигеніи. Болонскія псалтры, разумеется, не датируютъ перваго появленія этихъ особенностей въ самомъ языкѣ, но какъ бы то ни было, всѣ три указанныя черты — новый шагъ книжнаго языка въ сравненіи съ памятниками XI и XII вѣка; онъ выступаетъ въ Болонской псалтрь еще несложно, но дѣруко опытныхъ писцовъ «грамматиковъ»; въ живомъ языкѣ всѣ эти особенности видимо уже утвердились; онѣ сходятся въ томъ, что одинаково направлены къ упрощенію системы сжигенія. Памятникъ, относимые нами ко второй половинѣ XIII вѣка, кромѣ такого упрощенія, говорить уже о паденіи сжигенія: самыя формы первоначальнаго языка затемиются въ созвучія болгарскихъ писцовъ.

Говоря о значеніи, которое нормировка косовъ имѣетъ для установленія болѣе точной хронологической скѣлы памятниковъ, мы не можемъ обойти вниманіемъ Погодинскую псалтрь. Этотъ памятникъ какъ будто не указывается въ хронологическія рамки, только что намѣченныя, и наша скѣла какъ будто измѣняется, въ примѣненіи къ этому памятнику. Мы согласны допустить это, но только съ оговоркой, что она измѣняется въ этомъ случаѣ цѣлкомъ, а не въ своемъ второмъ разрядѣ, и измѣняется только на первый взглядъ. Иначе говоря, мы имѣемъ дѣло съ исключеніемъ, которое однако при болѣе тщательномъ исследованіи подтверждаетъ общее правило своимъ менѣе замѣтными чертами. Погодинская псалтрь — любопытнѣйшій памятникъ крайностей преднамѣренной архивизаціи. Погодинская псалтрь языкомъ и отчасти графикой указываетъ на очень древній орунвалъ — старославянскій XI вѣка. Орунвалскій уже обращаетъ вниманіе на архаичный составъ словъ и морфологию этого памятника и на отсутствіе типичной «средне-болгарской» нормировки косовъ, которую мы признали въ качестве важнѣшаго палеографическаго признака классификаціи памятниковъ. По одному

этому мы могли бы отнести Погодинскую псалтрь къ XII в. Но мы указывали не разъ, что неблагоприятныя условія болгарской письменности лишили ее графическаго единства: скѣла графическихъ явленій не была такой типичной, какъ, напримеръ, въ русскои письменности: новшества сабо обобщались, архаизмы держались упорнѣе, почти по какому-нибудь отклоненію отъ нормъ той или другой эпохи были возможны. Хронологию болгарскихъ рукописей болѣе, чѣмъ всякихъ другихъ, должна быть устанавливаемая по совокупности признаковъ, разнравившихся неравномерно и съ частыми рецидивами. До сихъ поръ намъ приходилось признать этотъ принципъ къ типамъ начертаній. Орографическая примѣта нормировки косовъ оказывалась мѣриломъ болѣе устойчивымъ. Теперь мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, который свидѣтельствуетъ, что безъ поддержки прочныхъ и эта примѣта, какъ всѣ другія на болгарской почвѣ, не имѣетъ абсолютнаго значенія. Мы говоримъ, впрочемъ, объ рѣдчайшемъ исключеніи. Если бы графика Погодинской псалтрь такъ же ясно примыкала къ традиціямъ XI-го вѣка, какъ ея орография и отчасти языкъ, эти послѣдніе признаки подумали бы значеніе важной палеографической примѣты. На самомъ дѣлѣ отсутствіе нормировки косовъ имѣетъ въ разрядѣ съ истинными, а не искусственными показателями графическихъ типовъ этого памятника. Погодинская псалтрь заключаетъ черты, говорящія о сравнительно позднему ея происхожденію. Нѣкоторыя древніе типы буквъ, обыкновенно преобладающіе, носятъ характеръ архаизаціи, преднамѣреннаго подражанія орунвалу; а при нихъ, хотя много рѣже, могутъ быть найдены всѣ позднѣйшіе. Другіе древніе типы совсѣмъ отсутствуютъ. Начертаніе *а* не имѣетъ древнѣйшаго вида — это не мажорный уголокъ на наклонной спинкѣ, а узкая петля съ прямой или наклонной спинкой, доходящая до низа строки, или же, иногда, петля плосковатая, небольшой, на спинкѣ слегка извитой. Петли *у* и *ѣ* обыкновенно круглыя или подруглыя, но типы съ волнообразно извитыми и ломаными петлями все-же могутъ быть найдены почти на каждой страницѣ, если разсматривать въ дупу бисерный почеркъ этого памятника. Мало того, при случаѣ можно встрѣтить *в*, *у* котораго верхняя петля совершенно трехугольная, а нижняя — ромбическая, т. е. чрезвычайно набухшая и ломаная. У и *ж* верхняя часть уже сокращена, хотя умѣрено; *з* и *р* не имѣютъ стараго геометрическаго начертанія: наиболѣе правдоподобны *з* близки къ соотвѣственнымъ типамъ Болонской псалтрь — умѣрено и красиво извиты; но есть и типы съ менѣе красивыми, почти змѣиными извитыми.

Въ нипицѣ (маломѣ) однажды встрѣчается доманное λ , отличное отъ древняго своего узостью: углы остры, хвостикъ небольшой, весь типъ уже близокъ къ соответствующимъ типамъ Вѣссана и Шестодева 1263 года. При λ встрѣчается и λ ; рѣшительную палеографическую дату изъ этого λ вывести конечно трудно, хотя древнѣйшей кириллицѣ, если податься на дошедшій до насъ отрывочный материалъ, свойственно λ и λ (Хизид. отр. и Острыки Уид.); λ (въ смыслѣ звука, а не пиферы) при боѣе частотъ λ свойственно памятникамъ болгарскимъ XIII вѣка, но исключая и второй его половины: Болонскому Евангелію, Евангелію Срековича, Псалтыри Труновича, Псалтыри Норова (Уваровской), р Погодинской псалтыри или кнѣвѣтской крѣпкой сѣтъ пѣтъ въверху, или волнообразный кнѣвѣт пѣтъ справа; и стрѣе, съ точкой на перекладнѣ, какъ въ Болонской псалтыри; изъ типовъ λ боѣе древній (сходный съ только что приведеннымъ нечѣткимъ) не есть главный, чаще встрѣчается боѣе позднее λ ; перекладна слѣва кнѣвѣт, но къ низу обѣ мѣты еще не удаляются другъ отъ друга; и широкимъ округлымъ язычкомъ касается низа строки, иногда спускается и ниже, кнѣвѣтъ въ этомъ случаѣ язычокъ боѣе острый, λ и λ не стоятъ хвостикомъ на строку. Несимметричности кормысьтъ у т и λ очень умѣренны; λ и вообще архангело: мѣта поразительно мало возвышается надъ строкой; кормысьтъ изрѣдка лежитъ даже ниже верхняго горизонта строки, а мѣта не превышаетъ его; но иногда поднимается λ и съ весьма высокой мѣтой: этотъ типъ очевидно уже былъ найденъ; у мѣтъ очень небольшой чашу въ видѣ тупого угла, но иногда эта чаша очень несимметрична, даже почти односторонняя (д. 197 об., строка 5 сверху). Омега округла и симметрична, боковыя мѣты ея съ растительнымъ изгибомъ въверху, средняя — сощрачена. Среди этихъ вариантовъ мы очевидно принуждены судить объ изогъ по боѣе поднимать, а эти последние все могутъ быть найдены въ Болонской псалтыри, также отчасти масхуревые писания; рѣкое, почти одностороннее у Погодинской псалтыри — даже боѣе познато въверху; архангелы дубельтъ, очевидно, составляютъ лишь каллиграфическую и отчасти выразительную особенность писца Погодинской псалтыри. Необходимо отмѣтить еще орнаментальное а съ наклонной нѣтъ, очень большой и красиво извитой синкой, въверху кнѣвѣтшей мѣтъ бы голубиный кнѣвѣтъ. Важны и нѣкоторые комбинаціи буквъ: дигитурѣ т + р: въ мѣстѣ присоединенія пѣтъ тоо р синка буквы т прерывається; дигитурѣ т + в: мѣта высокая, съ точкой посрединѣ, кормысьтъ въ видѣ плоской волны, и присоединено совѣтъ внизу; его трехугольны

пѣтъ заходить одна за другую; вѣвѣтъ σ : спираль, охватывающаяся внутри типомъ ϵ . При всей архангеліи писецъ не могъ отказать себѣ въ этихъ пріемахъ новой каллиграфіи, находимыхъ (кроме σ) и въ Болонской псалтыри и свѣдѣющихъ ее съ Труновской школой. А что сказать о стрѣхъ вѣзи, находимой въ Погодинской псалтыри и названной Срековичемъ (Древ. пам. юс. письма, стр. 52)? Въ дитированныхъ памятникахъ писменности вѣзи встрѣчается впервые въ Шестодеве 1263 года, въ эпиграфикѣ — съ Астѣи II (Труновскыи нацисъ 1230 г.). Вѣзи Погодинской псалтыри красивѣе вѣзи Шестодева и технически сложнее Труновской вѣзисъ. Болонская псалтырь еще не знаетъ вѣзи; между тѣмъ этого никакъ нельзя объяснить неумѣніемъ писателя. Инициалы Погодинской псалтыри (киноварь, желтый и зеленый краски, рѣдко голубой) по большей части крѣпковыя, торчатые или травяныя, относятся къ византийской манерѣ, но нипицѣ в на д. 2 (Стасовъ, табл. II. 29) вполнѣ тератологическій; здѣсь Погодинская псалтырь подходитъ къ Болонской такъ близко, какъ ни одинъ болгарскій памятникъ. Писецъ Погодинской псалтыри, очевидно, избѣгалъ тератологіи, но все же оставилъ намъ свѣдѣтельство, что въ его время этотъ стиль вполнѣ сложился. Мало того, въ качествѣ памятника каллиграфическаго, Погодинская псалтырь указываетъ на высокую школу, очевидно, ту самую Охридскую, въ которой техническая тератологія была получена, но не привилась. Лоптческъ — появившійся въ Погодинской псалтыри есть типъ боѣе позній, чѣмъ подобныя нипицѣ Болонской: тѣло фантастическаго животнаго уже кнѣвѣтъ утрачиваетъ свои животныя формы: остается одно тупое, конечности исчезли; въ Болонской псалтыри только два нипицѣа самого слабого, четвертаго лица склоняются къ этой стадіи, но и тутъ оковечности еще не исчезли совершенно. Еще одинъ пѣтъ, и тѣло будетъ совѣтъ устраниено закручивать пѣтеневѣтъ; эту стадію уже представляетъ другое в Погодинской псалтыри (Стасовъ, II. 28): верухъ и низъ изображены пѣтеневѣтъ. Въ сербскомъ орнаментѣ такой типъ не составляетъ позней даты, въ болгарскомъ очевидно получилъ познѣе и дольше удерживается: его наибольшее распространѣніе относится къ XIV вѣку. Заставка Погодинской псалтыри (къ со-каллію, не названна Стасовымъ), не закрѣтая въ себѣ ничего изъ тератологическаго, вызываетъ однако смѣтное воспоминаніе фантастическаго збривающаго фортъ. Впечатлѣніи зарождающейся тератологіи и ея перелетковъ очень не похожи другъ на друга. Мы сказали бы, что пѣтеневѣ и листья, стремясь превратиться въ животныя формы, приближаются сначала

къ пишеть орнаментъ; они только еще просматриваются къ жизни, — ихъ движеніи безсознательны и вялы. Слагая съ себя теракогическій стиль, орнаментъ, ставшій снова растительный, сохраняетъ боге энергична воспоминанія своей животной природы, — это тревога листьевъ, вуртуть ожившей отъ дыханія бури. Такое именно впечатлѣніе производить заставка Подлинской псалтрь; она сходится въ этомъ съ началомъ нѣкоторыхъ русскихъ и сербскихъ памятниковъ, слагающихъ съ себя теракогическій стиль. Три извѣстныхъ рукописи: Подлинская псалтрь, Норовская псалтрь и Шестодневъ 1263 года поразительно сходится въ одной общей чертѣ: отбавлять началъ текста данъ технической терминологіи (Потода, Норов,) или еще боге старой переходной манерѣ (Шестод.), онѣ даже игнорируютъ отживающіе стили. Одна изъ нихъ заведомо относится къ XIII вѣку, даже къ началу второй его половины; другая палеографическими признаками указываетъ на ту же эпоху. Куда относится третья? По совокупности признаковъ Подлинская псалтрь древнѣе двухъ остальныхъ, она можетъ быть отнесена къ Охридской школѣ времени Асѣна II. Навбоге архалескіе элементы памятника составляютъ лишь субъективную особенность текста; въ нихъ есть много зависимости отъ оригинала, случайно восходящаго къ старославянской школѣ, но есть и искусственность, характерная для второго болгарскаго царства. И въ языкѣ Подлинской псалтрь, при обилии фонетическихъ пропусковъ подударной ѣ и ѡ, мы находимъ подчасъ такіе написанія, какъ *мръзскато* д. 197 при *мръзкы* 197. Подобныя сохраненія старыя начертанія иотированныхъ косовъ мы находимъ и у второго писца Болонской псалтрь, но онѣ не доводятъ въ этомъ случаѣ архизаписи до отпирания болгарской фонетической нормировки новыми знаками. Подлинская псалтрь не древнѣе Болонской; она возникла въ тридцатилѣтіе между 1230—1241, въ которомъ Охридъ былъ въ владычествѣ болгаринъ. Юго-западное нарѣчіе обихъ памятниковъ соединяется съ такими каллиграфическими качествами, которые чужды остальной македонской письменности. Ихъ каллиграфическія различія сводятся въ поперѣхъ и орографіи — къ большому и меньшему подражанію старинѣ, въ орнаментѣ — къ одностороннему, но различному направлению нисуса: отживавшему и утверждавшемуся.

Третій разрядъ средне-болгарской письменности относится ко второй половинѣ XIII вѣка. Его составляютъ памятники съ новоболгарскими: трафичной, правописаніемъ, фонетикой и флективными строенъ. По этой при-

мѣсть третій разрядъ съ самаго начала всю отличается отъ второго. Но въ самомъ третьемъ разрядѣ обнаруживается непрерывное ускоренное движеніе, и въ концу его мнѣнія перелѣты, уже вытѣсняющія съ начала, достигаютъ крайнихъ предѣловъ.

Отбавили примѣты третьяго разряда таковы. Въ орографіи коства навливается, иногда и подударительно, употребленіе знака *к* въ смыслѣ *ѣ* въ началѣ слога. Нормировка косовъ образцова и упрощенная продолжалась существовать по иеріи, но первая изъ нихъ поблжена графически аномалиями и фонетическими признаками, которые разматриваются нѣсколько иначе на примѣрахъ; здѣсь отмѣтить, что *а* чаще и чаще навливается встрѣчаться вмѣсто *ж* послѣ согласныхъ твердыхъ, т. е. въ условій старой смѣны косовъ. И при упрощенной нормировкѣ обихитъ косовымъ знакомъ нѣрѣдко является теперь не *ж*, какъ раньше, а *а*; при правописаніи съ двумя носовыми знаками на черкѣ кося большого нѣрѣдко является лишь вариантъ кося *мглато* (*а*, *А*, *А*, *Ж*). Въ этомъ можно видѣть признакъ того, что для звука *ѣ* (старого и въ *ж*) былъ уже сильно распространявъ акустическій вариантъ, выходящий изъ *ѣ*. Возникаетъ впродъ того новая попытка упрощенной нормировки, о которой также говорится ниже. Уже съ начала разряда, много чаще прежняго, *ж* (или его закрѣпы) сѣпливаются на писемѣ съ *ѣ* (*ѣ*), *а* — съ *ѣ*, *ѣ* — съ *ѣ* въ однихъ говорахъ и съ *а* (послѣ *ц* и *з*) въ другихъ. А послѣ шипящихъ, гораздо чаще прежняго вмѣсто *а* пишется *ѣ*; *ѣ* (*ѣ*) сѣпливается съ и иногда до безразличія; и удаляется въ *и*, *ѣ* — въ *ѣ* — очевидно въ подражаніе старинѣ, теперь уже стлутымъ группамъ *и* и *ѣ*. Появляются чаще (ранѣе рѣдкіе или сомнительные) примѣры сѣпленія *ѣ* съ *ѣ* послѣ *а*, сѣпленія *ж* съ *а*, сѣпленія *а* — съ *ѣ*; послѣдніе въ самомъ концѣ разряда становятся доказательные. Употребленіе косовъ навливается еще въ томъ отношеніи, что послѣ шипящихъ старинъ кося большій (при двухъ носовыхъ правописаніи) нѣрѣдко замѣняется косомъ *мглатъ*; едва ли это старая особенность нѣсколькихъ говоровъ, случайно только теперь восте отразившихся въ письменности: можно думать, что только во второй половинѣ XIII вѣка шипящія, въ различной степени мягкія, настолько выжизнялись *ж*, что акустически оно во многихъ говорахъ приблизилось къ *а*, какъ раньше *ж* навливало въ томъ же направлении сильно мягкимъ плавнымъ и глубокимъ. Въ морфологій появляются несомнѣнные признаки общаго паденія флективнаго строи. Въ типажъ погюра навливается нѣбывающее раньше разнообразіе окончныхъ знаковъ: *ж*, *а*, *Ж*, *Ж*, *А*, *Ж*, *Ж*,

Ж, Ё, А, А, А, А, М; некоторые из них употребляются и как общій вариант знака м и знака ж. Старое а за рѣдкими (восточно-болгарская школа) исключеніями нечлѣно; іотированные юсы, канъ и въ предыдущемъ разрядѣ, встрѣчаются спорадически. Дату въ начертанъ составляютъ: ѳ съ еще болѣе высокой мачтой и съ коромысломъ на высотѣ другихъ буквъ; сильное сокращеніе верховъ у в в ж з н; у типовъ ѣ ѣ ѣ ѣ ѣ — почти сильно пригнувши вверхъ — округло или остро; коромысла еще болѣе несимметричны, чѣмъ разлѣ: у ѳ и т они часто доходятъ до низа строки; у почти всегда угловатое и чаше прежняго несимметричное, чаше прежняго почти одностороннее: съ наклонной криво мачтой и сучкомъ влѣво вверхъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ ѣа вытѣсть и еще болѣе наодній вариантъ: мачта вертикальна съ сучкомъ влѣво вверхъ. Буква и обыкновенно имѣетъ теперь отлогую перекадану, нацѣну съѣзъ съ самого верха не болѣе канъ до $\frac{1}{2}$; а иногда лишь до $\frac{1}{3}$ правой мачты, кромѣ того къ низу весь тѣль стать размокнѣтъ. Буква к, которая уже въ предыдущемъ разрядѣ могла принимать видъ Г, теперь соединяетъ иногда свои пѣгли не угломъ, а наподобіе ступеней Г; понимается чаше и □ = к. Буква ж, кромѣ сокращенія верха, утрачиваетъ симметричность, она далеко не всегда состоитъ изъ правильнаго пересѣченія трехъ линий или двухъ дугъ съ мачтой; появляются новые произвольные способы написанія ж. Буква з, напротивъ, становится красивѣе, утрачиваетъ свою прежнюю манеру угловатости и выѣе извивы. Вся эта характеристика относится главнымъ образомъ къ македонскому разряду. Восточно-болгарскій разрядъ, представляемый Тырновскимъ Евангеліемъ 1273 года, а равно Поровской псалтырью, долженъ быть разсматривать отдѣльно. Въ общемъ, очень замѣтно, что народныя македонскіе почерки второй половины XIII вѣка, не терпя окончательно своей грубости, начинаютъ утрачивать типичность и понемногу приближаются къ нормамъ Тырновской школы. Наконецъ, третій разрядъ отличается отъ второго тѣмъ, что въ заглавныхъ строчкахъ низъ, еще очень некрасивый, начинаетъ входить въ общее употребленіе. Мы видимъ, что нацѣной датой юго-славянскій низъ слѣдуетъ считать Тырновскую мраморную надпись 1230 года; она уже свидѣтельствуетъ о хорошемъ мастерствѣ, хотя техническіе приемы низа еще очень просты: школа сложилась, но вся масса писцовъ только въ третью разрядъ начинаетъ усваивать еѣ и при томъ еще нехудоженственно. Въ орнаментѣ продолжаетъ господствовать народная терминологія, но ея элементарные мотивы отчасти усложняются мотивами терминологіи

технической: ее плеченья и, в округляющем виде, ее звёздными мотивами. Об этом говорится на сцене мёртв.

Типичный памятник конца этого разряда — Бонское Евангелие I рукописца. И оно относится къ кою-зача,ному, или македонскому вѣрѣтцу. Памятникъ въ разнѣхъ мѣстахъ содержитъ строки плохой, но для сравненскаго ютъ довольно сложной вѣд. Изъ отдѣльных начертаній важны для хронологіи: **В**, коего петли не касаются штамба буквы; онъ сходится правѣе, образуя линію на подобіе арабской тройки, а иногда въ видѣ дѣствительнѣ въ двѣ ступени; **ж** разнѣчнаго, по большей части несимметричнаго вѣдѣрца; **А** съ верховной отлогой и разложившійся пѣломъ; **т** и **ѳ** разнѣхъ типовъ, но господствуютъ типы съ несимметричнѣхъ коромыслами: лѣвый конецъ его закрутъ ниже гораздо сильнѣе; **у** **ѳ** закрутъ часто доходить до низа строки, а **у** **т** иногда спускается и еще ниже; **ч** всегда угловатое и рѣдко симметричнѣе, его господствующій типъ: штамбъ, наклонный вправо и съ неправильнѣхъ изгибомъ, отъ штамба вѣдно идеть суцѣхъ. Верхні буквы сокращены: **у** **ж**—почти на нѣтъ (остался небольшой, сплюсн чернѣй уголокъ), **у** **ж**—зачѣтно, но далеко не жедѣ. Петли очень разнѣчнаго рисунка, но прибуханіе къ верху—тамъ, гдѣ оно есть, выражено сильно. Перѣхиты лѣтѣтуры (**тѣ**, **тр**) и вѣдѣтуры, надрѣхитѣ **д** съ узорною спинкою, **в** съ высокой спинкой и длинными хвостомъ и т. п.

Обратимся къ правописанию Боявскаго Евангелія. Новыя знаки могутъ употребляться во всѣхъ тѣхъ функцияхъ, которые принадлежатъ подгласнымъ: на мѣстѣ подгласныхъ vocalizing-ныхъ въ *o* и *e*, на мѣстѣ подгласныхъ въ живомъ говорѣ выпавшихъ ¹⁾. Средне-болгарскія псалмическая, перейдя къ светлѣ одной подгласной, по мнѣнью и изъ неудачнаго подражания древности, употребляла *ъ* (или *ь*) во всѣхъ трехъ случаяхъ. Особенность Боявскаго Евангелія та, что памятнику, вопреки нормѣ, употребляетъ (довольно безразлично) оба подгласныхъ знака *ъ* и *ь*. Эта двойственность еще болѣе усиливаетъ путаницу въ употребленіи новыхъ знаков: *ъ* принимаетъ трехчленныя функции не только знака *ъ*, но отчасти и знака *ь*; *ь* — функции не только знака *ь*, но отчасти и знака *ъ*. Подтвердить нашу гипотезу на орфографію Боявскаго Евангелія примѣряетъ.

1) И подробно касаясь судьбы полунаселения в «Разосеянии о языкъ Северномъ клинѣ», ср. также ниже, въ главъ о ѡ и ѡ.

сдѣлать читать вѣсто мѣла, напечатаннаго въ изд. Чрнеча; мы писано лѣтатурой. Чернила не отличаются отъ чернил глаголическаго текста, предписаніе: — извѣстно и въ глаголическомъ текстѣ (напр. л. 39 об.). На л. 93 не наклонно, а прямо то-же лицо написало блѣдно-коричневой розовой краской ѿ ѿ ѿ сѣ сѣи помемѣй равнѣу свекмѣу: — и оно-же обвелю тою-же краской чернильный контуръ полу-инициала ѿ, показавшаго сверху зеленымъ.

2) Л. 46 об. между столбцами снизу вверхъ, въ одну строку читаемъ:

о напастъ нѣмни правеноси писѣ евангеліѣ сие —.

Л. 76

и крѣстѣхъ аа ѿа(ѿ)жѣа устѣмѣхъ сръдѣности

Почеркъ въ обѣихъ послѣднихъ припискахъ одинаковъ, и совершенно иной, нежели въ припискѣ, рассмотрѣнной подъ 1), и для кириллицы вообще мало обычный: типы квадратны, нѣкоторые и того шире, писаны, или скорѣе рисованы, тонкими чертами въ примитивно-установленномъ манерѣ, затрудняющей палеографическую датировку. Среди почерка выдѣляются почти скоростной манерой ж, очевидно замѣняющее графическое ѡ въ случаяхъ евангеліѣ и крѣстѣхъ, и даже въ случаяхъ устѣмѣхъ; а (внутри вертикальнаго черта дѣлать нѣсколько выше горизонтальной) стоять также нѣкото поуглаженной. Обѣ эти приписки писаны не чернилами, а блѣдной маляновато-коричневой краской, широко употребленной въ иниціалахъ Ассеманова Евангелія (напр. на л. 46 и 47). Почеркъ этихъ двухъ приписокъ — архивный въ нѣкоторыхъ чертахъ (и, ц, у, ѣ), другими указывающій на болѣе позднюю эпоху (ж, в, а), также какъ и орфографія. Мы, впрочемъ, нѣмѣемъ дѣло съ лицомъ, вообще не выдѣлившимъ кириллицей, или маляноватостью. Ограниченность маляриды допускаетъ только приблизительное опредѣленіе. Приписки 2) могли бы быть одновременны съ приписками 1), но могли бы быть и старше этихъ послѣднихъ.

Всѣ эти приписки и еще одна, 3), на л. 94 (ср. изд. Чрнеча, фото-типій), писаны примитивной кириллицей и къ концу глаголичей, тою же зеленою краскою, что въ иниціалахъ (напр. на л. 93), сохраняя образцы связывающихъ съ Ассемановымъ Евангеліемъ — одна своимъ содержаніемъ, другая — красками. Проще всего было бы думать, что въ припискѣ 1) писецъ глаголическаго текста Ассеманова Евангелія жадуется на дурной

оригиналъ, а въ 2) и 3) пробуютъ свои силы два (или почерки различныхъ) псалтиратора рукописи. Падая фоновѣна приписокъ удерживала отъ такого предположенія. Нѣкоторые черты говора Ассеманова Евангелія могли бы намекать и на позднюю дату. Но заставки рукописи и ихъ подопирѣть какъ будто говорить противъ XIII вѣка. Инициалы вѣроятно писаны немедленно послѣ текста; мѣстами эти инициалы покрываютъ текстъ своими краями. Но инициалы по технике неотдѣльны отъ заставокъ; заставки же архивны; по слогу онѣ рѣшительно принадлежатъ народной теракологии. Но эта послѣдняя, какъ мы видѣли, необязательна, а заставки Ассеманова Евангелія могли быть буквально скопированы съ оригинала, подобно древнему по составу свѣтосарию памятника. Изъ почерковъ упомянутыхъ приписокъ ни одинъ не можетъ быть отождествленъ съ тѣмъ кирилловскимъ почеркомъ, который сдѣланы выдѣлы надъ лѣсами, помѣщенными въ нѣкоторыхъ иниціалахъ. Почеркъ этихъ выдѣловъ какъ будто древнѣе вышеприведенныхъ приписокъ; подобно глаголическому тексту кирилловскія выдѣлы надъ лѣсами *иногда* покрываются краями иниціаловъ, т. е. свѣдѣніе быть написаны глаголическимъ текстомъ, потому что отъѣчено кирилловскимъ почеркомъ, гдѣ и какіе лѣсы должны быть изображены въ петляхъ глаголическихъ иниціаловъ *ѿр* и *ѿ* (Нѣ вѣѣма оно, Речѣ ѿ); потому кирилловскія выдѣлы надъ лѣсами помѣщены слѣдомъ слѣза направо желтой краской совершенно также, какъ нѣкоторые заглавные строки глаголическаго текста. Наконецъ нарисованы инициалы, быть можетъ по предварительнымъ начертаньямъ. Замѣтимъ, что глаголическая и кирилловская реставрація текста, а равно разныя кадендаріи приписки указываютъ на продолжительную историю рукописи¹⁾. Можно искать другого пониманія приписки 1) и одновременно объяснить случайностью то, что 2) и 3) писаны красками иниціаловъ. Относительность только инициалы рукописи къ XIII вѣку, по указаннымъ выше соображеніямъ, невозможно. Вопросъ остается открытымъ. Рукопись выдѣлы съ приписками 1) 2) 3) могли бы быть отвесены къ XII вѣку, но тогда приписки признавать, что уже въ эту эпоху были говоры, въ которыхъ ж совпадало съ ѡ, а а уже приближалось къ ѣ. Отдѣлы текстъ отъ приписокъ, мы все-же пытаемъ среди этихъ послѣднихъ довольно равнѣе образцы паденія юсовой системы, такое вообще говора распространяется только въ третей разрядѣ болгарской письменности.

1) Ср. «Второй отчетъ Русскому Орѣдѣнскому Академіи», Изв. Отд. т. VII, кн. 3, 1902 г.

Я уже упоминалъ, что упрощенная нормировка ксенов, переходящая из второго разряда въ третій. Примѣромъ можетъ служить болгарскій Апостолъ, принадлежащій Историческому Музею. По общему впечатлѣнію, по черки рукописи относятся къ народнымъ македонскимъ, а по хрѣстовымъ — къ чешскимъ примѣламъ — къ третьему разряду. Изъ чертъ фонетическихъ особенно сильно сближеніе γ съ η и наоборотно. Первый покровъ различаетъ знаки α ($= \kappa$) и α ($= \alpha$), второй и третій покровы употребляютъ только λ въ значеніи обѣихъ носовыхъ знаменъ; другъ отъ друга эти послѣдніе два покровы отличаются съ перваго взгляда тѣмъ, что II употребляетъ ζ съ перерывающимъ хлѣбомъ (безъ значенія звука dz), а III — ζ обычное.

Но кроме прежней употребленной нормировки въ третью, разрядъ обнаружилась попытка новой, выросшей прямо изъ нездоровой грубости такихъ текстовъ, какъ Божественное Евангеліе. И эта нормировка идеть совершенно по тому же пути, какъ всё предыдущія средне-болгарскія реформы орфографіи: мало по малу различные знаки старославянскаго азбукы ставились различными вълѣстиемъ измѣненій, происшедшихъ въ языкъ; такіе знаки и удаляются, но на ихъ остающіеся эквиваленты не всегда удачно возмѣщаются новыя функціи, создавныя новой эпохой языка: о самостоятельности и примѣотъ, выраженій этихъ новельхъ явленій нѣтъ и поминка: при ихъ изобразженіи мѣрилоотъ остается правописаніе предшествующей старославянскаго эпохи въ тѣхъ смутныхъ отголоскахъ, которые сохранялись. Въ концѣ концовъ, новое бремя оказывалось непосильнымъ для сокращенно болгарскимъ старославянскаго азбука.

Мы видим, что фактически под пером неграмотного и неспособного писца ж и ъ (ъ) стали эквивалентами въ, орографин Боняского Евангелия. Писцу, имевшему под руками подобный оригинал, когда пришла мысль соединить эту черту съ упрощенной «односложной» нормировкой. Если при этом обобщить носовый знаком, является не ж, а часто ѡ, то это обусловлено не одним, а несколькими причинами. Во-первых, въ языке именно ж оказывалось фонетически эквивалентомъ ѡ, а и могло быть выкинуто, какъ раньше удалялся тотъ или другой изъ полученныхъ вариантовъ ж и ѡ. Во-вторыхъ, могли распространиться говоры, дававшие старымъ ж и ѡ акустическій типъ гласной ѡ. Въ третьихъ, уже существовали (по крайней мѣрѣ, подъ конецъ разпада) говоры, обработанные ж въ обычное носовое ѡ, вследствие чего знать ѡ необходимо, давая отъ старой функции и мочь получить новую. Стоило появиться такой манерѣ, и писцы могли прини-

мать ее по-прежнему призывала, коренившись в имя говорить о выдержанности такой новой орографии не могло быть и речи; она стала новизна источником новых условий.

Подобною манеру представляють пергаменні отрывокъ Октоиха XIII вѣка, № 2571 рукописнаго собранія Андрея Попова въ Руминевскомъ Музее. Онъ писанъ двумя почерками; главный изъ нихъ — мелкій и чистотю миндоевскаго народнаго характера; угловатый, грубый и манерный. Тільки будуть свідѣтствовать о трествѣ разрывъ болгарской письменности, сего-рѣе всего о конѣ его (конѣ XIII вѣка); особо отмѣтитъ странное ж: верху въ видѣ ш, низъ — наподобіе ѣ, шпеннаго верхней части. Обратися къ правописанію. Изъ подгласныхъ употребляется только ѣ (и его вышій нарънѣтъ), изъ носовыхъ знаковь — только ѡ. Функцию юса большаго при-ида на себя ѡ и подгласная. Эта подгласная стоитъ на мѣстѣ:

1) Старого Носового ж:

васиритъ 3 пл. пресв., св = сѣй ѡвъ?, ерѣимъ = асс. s. f. -няжжъ?
(т)рѣхуемъ = асс. s. f. -жжъ, поухъ = 3 пл. imperf., мѣа = г. pl. мѣахъ,
сѣ хрѣсѣ, есѣдитъ 3 s. fut., вѣахъ асс. s. f., неисчѣахъ асс s. f.,
самъ асс. s. f., засѣчѣахъ. Форма вѣахъ на -жжъ безъ сомнѣ-
нѣя уже не слышалась въ живомъ языкѣ, и къ тошло только о выраженіи
первоначалъ произношенія.

2) Старого γ и δ исчезающих (или вообще только графических),

или въ томъ или другомъ видѣ сохранившихся въ языкѣ.

внѣшнѣ, всѣхъ пѣвѣс, прѣхѣмъ dat. pl., въ законѣхъ, разсѣяніемъ, извѣдѣ, възрѣхъ etc.

μη ἀλλὰ, БЫТЬ МОЖЕТЪ БЫСТАНЪ, И Т. П., κῆρ σταυρός;

Юзь малый вопреки требованиям разумной ортографии соединяетъ на себя много функций. Онъ стоитъ на мѣстѣ:

1) Старато Носового А:

MA, TA, CA, ZACH, NOCA, etc.

2) Старого ж после раскопок: промывное, моющее etc. Знать и никогда не встрѣвается после раскопок: этому еще мышии зрительный предвзвѣден, нѣтъ рѣшенны болѣе древныи тексты.

3) Старого носового а постъ согласныхъ, соединяющихся въ среднеболгарскомъ съ ж: 3 рл. бол. ...ишиа — приглаголь единственныи.

4) Чапати и посты соржачилихъ сильно мучить: мѣсяцъ съ 1. с. прѣс.

непослужить больше десятка; памятников XII века только два, памятников первой половины XIII века вероятно не более двух десятков, памятников второй половины XIII века гораздо больше.

Припомним, что всё памятник, о которых идет речь, за немногими исключениями — македонского происхождения. Безспорно, что в Македонии уже весь XI век был мало благоприятен для процветания славянской письменности: в 1017 году страна была покорена византийцами. Правда, до смерти Василия II (1025) и даже несколько позднее нельзя еще говорить о полном прекращении славянской письменности: за болгарской церковью формально еще оставалась автономия; последний славянин должен был свой век на охридской патриаршей кафедре; при его переезде преемники греков еще не могли провозгласить полное вытеснение славянского духовенства греками; пришлось идти с веру, от бога вытекающих и доходящих дожностей и из крупных центров страны. К XII веку от несомненно сильней, принявши формы, которые на север болгарской территории, к концу этого века, вытеснись с гнетом тиранического управления, дали начало национальному возмущению Асень. Но, почему от XI века дошло до нас больше болгарских рукописей, чем от XII-го. Къ тому же, много из рукописей XI в. уцелели только потому, что во-время (еще в XI—XII века) оставили страну; они сохранились в монастырях или восточных монастырях. Самый конец XII века не улучшил условий македонской письменности. Великий завоеватель Кавон (1196—1207) только под конец своего правления захватил большую часть Македонии (1205), но эти завоевания были потеряны после его смерти. После него область среднего Вардара одно время была захвачена Стружом, захватил все Македония отошла к эпископу «царству» ксепота Феодора, т. е. восстановилось господство греков. Только с 1230 по 1241 год, после битвы при Клокотини и до смерти Асена II, Македония снова принадлежала болгарам; уже сыновья Асена II потеряли все его македонские завоевания. Константин Асень заявил еще раз верхнюю Македония, но неудачно; после него уже ни один болгарский царь не мог распространить своей власти на эти страны (Иречек, 486). Очевидно, только промежуток времени 1230—1241 был благоприятен для возрождения славянской письменности, притом особенно, если принять во расчет левую Асена II и его духовные интересы. Охрид, с восстановившимся болгарским патриархатом, на время стал важным культурным центром. Къ Охри-

свой школы этого времени всего удобнее отнести такие рукописи, как Болонская псалтырь и псалтырь Петрова — после века Симеона и до Търновской школы XIV века это лучшие болгарские рукописи по греческому орнаменту и всему внешнему виду. Их близость между собой открывается и при изучении текста и перевода. Как болгарские царства X века оставили свой след в дошедших до нас старо-славянских рукописях XI-го, так кратковременный расцвет македонской письменности при Асене II продолжал чувствоваться во 2-ой половине XIII-го. Национальная борьба снова начинается в македонской церкви. Грекам предстояла та же задача, что при Василии II; но силы самой Византии были уже не те, и славянская церковь Македонии не представляла для греков XIII века такой легкой добычи, как в XI. Не было и прежней исключительности: славянство самих болгарских народов зашло вперед; в эпоху западных нашествий и завоеваний она славилась и в церковной сфере. Кроме того, со 2-ой половины XIII века в Македонии, задолго до ее завоевания сербами, проявляются сербо-болгарское взаимодействие. Сербские списки с болгарских оригиналов, датируемые образцом которых является Шестидесяти 1263 года, встречаются уже в эту эпоху; таковы напр. македонский Аногост Шаварина, описанный Поливкой (Arciv X).

Пристраиваясь къ греческим памятникам по установленным нами разрядам, мы убеждаемся, что в типах отцельных букв извлечения совпадают с нашими дьяконоу, которое было установлено по признакам нормировки подугласных и гласных носовых и повременно показанных истории, орнамента и морфологии. В пределах установленных разрядов: «XII в.», «1-я половина XIII-го», «2-я половина XIII» выделяются любые на черне, но господство их не исключительное: обыкновенно новые варианты букв возникают рано, хотя и употребляются сначала sporadически, а старые не отпадают сразу, хотя видимо отбрасываются новыми; хронология отцельных типов не имеет полного тождества, между отцельными рукописями в этом отношении замечены разногласия; все это достаточно объясняется переменными условиями, в которых жила македонская письменность, почти постоянным недостатком школы и центров, разнообразием греческих влияний крестов, гласности, современного греческого письма, народной манеры. От позднейших школ, при Асене II к этим разнообразным элементам присоединяется арабизация. До сих пор еще писцы работали в разрознен, получившись перекрестными

